

# ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 6 декабря 1881  
24 ноября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденція въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желающихъ имѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

## СОДЕРЖАНИЕ:

1) Дѣйствительныя причины пригнетія и «недуха» русскаго человѣка. Моментъ, съ котораго окончилось историческое призваніе самодержавія въ Россіи; непрекращаемое вторженіе самодержавія въ народную жизнь затормозило естественное развитіе послѣдней; отказъ общества служить самодержавію. — 2) Формула «торжественнаго обѣщанія» членовъ «святой дружины». — 3) Историческая Польша и великорусская демократія, XV, М. Драгоманова. — 4) Изъ Петербурга (отъ нашего корреспондента), г-на И. Ф. — 5) Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова» польской типографіи и отвѣтъ на него г-на Драгоманова. — 6) Хроника рабочаго движенія: IV. Великобританія. Стачки. Аграрное движеніе въ Ирландіи. Агитация среди сельскихъ наемныхъ рабочихъ. — 7) Составъ еврейской эмиграціи изъ Россіи. — 8) Библиографія. —

Женева, 6 декабря.

Мы указали въ предыдущей статьѣ, что единоличная верховная власть въ Россіи для водворенія гражданскаго мира ничего лучшаго не придумала, какъ сдѣлать низшій полицейскій чинъ носителемъ своей личной непогрѣшимости, размѣнять свой нравственный авторитетъ на повсемѣстный и никакимъ судомъ неограничиваемый произволъ блюстителей порядка. По недомыслию, разумѣется, но тѣмъ не менѣе добровольно, своими собственными руками, она сорвала съ себя такъ долго ослѣплявшій народныя массы ореолъ справедливости и откровенно признала себя безсиленною вести дальнейшую борьбу за существованіе иначе, какъ замкнувшись въ своего рода военный лагерь, окруживъ себя своего рода опричниною и отдавъ вмѣстѣ съ тѣмъ на поруганіе полиціи и администраціи все населеніе поголовно, такъ какъ все населеніе поголовно ужалъ 4 сентября лишено правъ личной

свободы и спокойствія домашняго очага, ежечасно угрожаемаго нашествіемъ никѣмъ неконтролируемыхъ, никѣмъ и ничѣмъ несдерживаемыхъ и вполне чуждыхъ населенію, по духу и по чувству, всякаго раба охранителей, будто бы, общественной безопасности.

Неудивительно послѣ этого, что русскій человѣкъ „словно пригнетъ, пришибленъ“, что „сердце“ у него „щемитъ и ноетъ“, какъ свидѣтельствуемъ Ив. Аксаковъ, неистово покаяясь тѣни самодержавія и плача о грѣхѣ русскои дипломатіи на Берлинскомъ конгрессѣ.

Пригнетіе, пришибленность, „недужіе духа“ современнаго русскаго человѣка стараются объяснить внѣшними причинами. Редакторъ „Руси“ и идущая за нимъ прихвостнею редакція „Новаго Времени“ толкуютъ, что „недужіе духа“ и „крамола“ пошли у насъ со дня „заушенія“ русскаго человѣка на Берлинскомъ конгрессѣ. Да развѣ до и послѣ Берлинскаго конгресса его не заушали начальствующія лица въ селахъ и деревняхъ? Развѣ Петербургская Ремесленная Управа не получила на дняхъ распоряженія столичнаго мирового судьи подвергнуть наказанію розгами 18-лѣтняго работника, виновнаго въ неповиновеніи хозяину? Развѣ въ Порховскомъ земскомъ собраніи не предлагали, тоже на дняхъ, наказывать розгами за пьянство, разумѣется, въ кабацѣ, а не во французскомъ ресторанѣ? Развѣ уничтожены тѣлесныя наказанія по приговорамъ волостныхъ судовъ? Развѣ крестьянши перестали драть за недомки, по желанію станового и вопреки закону? Развѣ волостной старшина не вправе посадить въ холодную любого изъ своихъ избирателей? Развѣ полиція не „заушаетъ“ всѣхъ и каждого, недостаточно проворно

посторонившагося, чтобы дать дорогу „высокопоставленному“ лицу? Развѣ она же, купно съ прокурорами и жандармами, не врывается въ жилища обывателей, какого бы званія и состоянія они ни были, во всякую пору дня и ночи и не производитъ обыски, — даже подъ юбками у женщинъ? Развѣ любо живется сосланнымъ по подозрѣнію въ мѣста, „куда Макарь телятъ не гонялъ“, и откуда возвращаютъ Овсянниковыхъ и ему подобныхъ дѣльцовъ, сосланныхъ по приговору суда общественной совѣсти? Развѣ всего этого недостаточно для пригнетія русскаго человѣка у себя дома, для того, чтобы отшибить крылья его творчеству, чтобы сдѣлать его духъ „недужнымъ“, а самого его заставить говорить вполголоса, дать себя уложить на больничную койку и лечить, — чортъ знаетъ, отъ какой болѣзни, — по рецептамъ власти, пекущейся о народномъ благосостояніи безъ воли и уполномочія народа?

Низложившее свою власть надъ народомъ въ руки мелкаго чиновничества, развѣчившее само себя отъ нравственнаго обаянія, самодержавіе не могло поступить иначе съ самаго того момента, когда кончилось его историческое призваніе. Этимъ конечнымъ моментомъ было освобожденіе крестьянъ.

Отбывъ послѣднюю обязанность высшаго государственнаго правосудія, самодержавіе должно было сойти съ высоты безпристрастнаго рѣшителя судебъ народа. Оно должно было послѣдовать примѣру судьи, который выходитъ изъ залы засѣданія немедленно по рѣшеніи спора между сторонами. За возстановленіемъ нарушеннаго права немедленно возобновляется естественное теченіе жизни, установленіе такихъ отношеній, которыя слагаются меж-

ду общественными группами подъ влияніемъ мѣста и времени, а потому не могутъ зависѣть отъ вѣснхъ соображеній и, слѣдовательно, быть направляемы этими соображеніями по волѣ одного или нѣсколькихъ лицъ. Но вышло именно то, чему быть не слѣдовало. Самодержавіе пожелало остаться при своей прежней роли рѣшителя судебъ народа, не смотря на то, что ни одинъ изъ общественныхъ слоевъ не нуждался болѣе въ рѣшеніяхъ дискреціонной власти. Не будучи ни кѣмъ призываемо, оно вошло самовольно, вторглося во внутреннюю жизнь вновь образованнаго общества; а такъ какъ въ то же время оно не могло болѣе отпирать должностн судьи въ этомъ обществѣ, то стало не судить, а править, не выслушивать, а повелѣвать, не улаживать, а порождать новыя недоразумѣнія, не возстановлять права, нарушенныя жизненною борьбою классовъ, а, воспретивъ всякую борьбу, стало вольно и невольно нарушать права и интересы всѣхъ и каждого, выпуждать отказы отъ самодѣтельности, господствовать не правдою, а силою, подчинять себя населеніе не нравственнымъ на него влияніемъ, а страхомъ военныхъ экзекуцій, ссылки, каторги, казни, наводненіемъ селъ и городовъ всевозможнаго вида наемными агентами власти и представленіемъ, наконецъ, этимъ агентамъ безответственнаго распоряженія народнымъ достояніемъ и личностію всѣхъ безъ исключенія изъ среды управляемыхъ \*).

Такимъ образомъ, вся неурядица минувшаго царствованія въ дѣлахъ внутренняго и вѣшняго управленія, хищничество, какъ бы систематическое, во всѣхъ видахъ промышленности, раззореніе сотенъ тысячъ частныхъ хозяйствъ и поголовное раззореніе народа, голодовки и другія бѣдствія, — зымыаемыя недостаточностію средствъ, непроизводительно расходуемыхъ нашимъ государственнымъ нуждамъ, непредусмотрительностію, запутанностію и неорганизованностію труда, невѣжествомъ массъ и нераспорядительностію правителей, — упадокъ производительности страны, упадокъ общественной нравственности, — все это прямыя или косвенныя послѣдствія упорства самодержавія въ удержаніи своего бытія сре-

ди обстоятельствъ, прямо исключających необходимость его существованія, его спасительную для страны и народа миссію. Свершивъ свой историческій кругъ, оно силилось идти далѣе, не на востокъ, въ Азію, къ инородцамъ, гдѣ могло бы еще, съ грѣхомъ пополамъ, играть роль освободителя отъ татарской деспотіи и китайскаго застоя, а въ самую глубь народной жизни у себя дома, старалось охватить собою малѣйшее проявленіе общественной самодѣтельности, упраздненіемъ крѣпостнаго права имъ же самимъ расширенной, и стало, разумеется, только тормазомъ этой самодѣтельности и, въ лицѣ своихъ безчисленныхъ агентовъ, незваннымъ гостемъ на ея краткосрочныхъ и довольно скудныхъ пирахъ въ минувшее царствованіе.

Такое вторженіе въ область личныхъ правъ и общественной самодѣтельности породило то униженіе, ту придавленность духа, на которую жалуются въ настоящее время наиболѣе искренніе апологеты самодержавія. Отсутствіе всякаго творчества, „переливаніе изъ пустого въ порожнее“, стало отличительною чертою общественно-государственной дѣятельности нашихъ дней; правительственныя сферы обезлюдѣли, если можно такъ выразиться, не смотря на видимое многолюдство канцелярій и полицейской стражи. Нѣтъ болѣе талантливыхъ правителей, нѣтъ даже просто преданныхъ правительству людей, и въ этомъ обстоятельствѣ, болѣе чѣмъ въ чемъ либо иномъ, болѣе чѣмъ въ слабыхъ протестахъ печати, земствъ и въ энергическихъ поступкахъ революціонеровъ, сказывается отказъ общества служить самодержавію. Даже въ средѣ „святой дружины“, добровольно ставшей на защиту личности царя отъ угрожающихъ ей насильственныхъ дѣйствій со стороны террористовъ, едва ли найдутся люди, готовые защищать царскую власть; даже этотъ élite русскаго барства не желаетъ своему девизу „noblesse oblige“ придавать смыслъ охраннаго знамени самодержавія. Противъ послѣдняго сговариваются за чашкою чая у придворныхъ дамъ, чуть ли не въ самомъ дворцѣ \*).

Самодержавіе погибло нравственною смертію въ общественномъ самосознаніи, утонуло въ глубинѣ нанесеннаго имъ оскорбленія человѣческому достоинству насиліемъ надъ священнѣйшими правами личности, надъ необходимою свободою личной и общественной самодѣтельности, —

\*) См. помѣщенную ниже корреспонденцію изъ Петербурга.

надъ свободою, безъ которой невозможно осмысленное существованіе въ обществѣ, безъ которой невозможно существованіе самаго общества и во имя которой доведенный до отчаянія человекъ хватается первый попавшійся подъ руку камень и швыряетъ имъ въ притѣснителя, не думая болѣе о послѣдствіяхъ.

Послѣ всего сказаннаго было бы излишне доказывать, что самодержавная власть въ Россіи держится исключительно организаціей своихъ орудій, организаціей далеко несовершенной и чисто вѣшняго свойства, но тѣмъ не менѣе сильной въ самой своей слабости, благодаря именно отсутствію въ ней нравственно-гражданскаго начала и отсутствію организованности или даже простого сплоченія силъ оппозиціонныхъ среди общества и народа.

На сколько войско, содержимое подъ ружьемъ въ несообразной со средствами населенія численности, и цѣлая армія чиновниковъ только истощаютъ страну и совершенно неспособны внести оживленіе въ практику промышленной, умственной и гражданской жизни въ государствѣ, на столько пригодными оказываются они для подавленія этой жизни повсемѣстно и на всѣхъ ступеняхъ ея развитія, вполне пригодными, чтобы держать въ страхѣ и повинности то самое населеніе, на счетъ котораго, по роковой ироніи судьбы, они содержатся.

Покончивъ съ вопросомъ о самодержавіи, въ слѣдующей статьѣ мы займемся разсмотрѣніемъ вопроса о предполагаемой починкѣ административнаго механизма, встрѣченной съ восторгомъ, такъ называемыми „друзьями“ нынѣшняго русскаго правительства, желающими прежде всего блага этому правительству, и возбудившей серьезное вниманіе тѣхъ общественныхъ дѣятелей, которые на первомъ планѣ ставятъ „благо управляемыхъ“, благо народа.

Намъ сообщаютъ слѣдующій текстъ обязательства или, какъ его называютъ, „торжественнаго обѣщанія“, которое даютъ члены „святой дружины“ при вступленіи въ общество:

„Вступая въ добровольное общество охраны священной особы Е. И. В., я (имя, отчество, фамилія) предварительно объявляю и закрѣплю своею подписью, что присоединяюсь къ обществу по собственному побужденію и добровольно обязываюсь исполнять *всякое порученіе*, какое мнѣ будетъ дано, какъ подобаетъ истинному вѣрноподданному русскаго царя.“

При этомъ нашъ корреспондентъ прибав-

\*) Въ послѣднемъ Тамбовскомъ земскомъ собраніи гласные отъ крестьянъ заявили, что упраздненіе урядниковъ гораздо болѣе принесетъ пользы сельскому населенію, чѣмъ устройство запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и разныя другія заботы объ обезпеченіи матеріальнаго быта рабочаго народа. Рекомендуемъ это заявленіе вниманію т. н. „чистыхъ социалистовъ“, не придающихъ особаго и рѣшительно первенствующаго, въ настоящее время, значенія политической свободѣ въ Россіи.

яется: „я не видѣлъ самъ текста этой формулы, а слышалъ только ея чтеніе однимъ изъ членовъ дружины; не имѣвши возможности сейчасъ же записать слышанное, я не помню, — было ли въ концѣ: „какъ добавляетъ“ или „насколько согласно съ долгемъ“ т. е., составляетъ ли это заключеніе простое повтореніе сказаннаго прежде, или ограниченіе повиновенія начальству дружины“.

## ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

### ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

#### XV.

Обращался теперь къ обзору великорусской революціонной печати послѣднихъ двухъ лѣтъ, мы невольно припоминаемъ замѣчаніе г. Аксельрода о томъ „пренебреженіи къ печатному слову“, какое господствовало въ великорусскихъ революціонныхъ кружкахъ 70-хъ годовъ, о той „ранговой лѣстницѣ революціонной преданности, въ которой (лѣстницѣ) революціонная пресса едва удостоивалась занять послѣднюю ступень“, о той „шаблонности требованій, которая оттолкнула отъ русскихъ революціонеровъ всѣ сочувствовавшіе элементы, по расходившіеся съ ними по второстепеннымъ пунктамъ“. Теперь, когда великорусскіе революціонные круги почувствовали необходимость говорить не только со своими товарищами, но со всѣмъ обществомъ, облепять цѣли и средства, формулировать программы, — теперь то и видны горькіе плоды этихъ и подобныхъ ошибокъ недавняго прошлаго. Заявленія и программы великорусскихъ революціонныхъ фракцій, довольно обильныя въ послѣднее время, хотя по большей части провозглашаются чрезвычайно догматически и непрѣмлю отъ „партіи“ и даже, до самаго недавняго времени, непрѣмлю отъ всей русской социальнореволюціонной партіи, какъ чего то единого и нераздѣльнаго, — тѣмъ не менѣе изложены почти всегда крайне отрывочно (часто не смотря на излишнюю длинноту), неполно, сбивчиво, то крайне абстрактно, то слишкомъ конкретно и мелко, и часто противорѣчиво. При этомъ часто видно, что дѣло редакціи программъ, т. е., въ сущности, дѣло принциповъ, все еще остается второстепеннымъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ, такъ какъ иногда встрѣчаешь чуть не авторовъ извѣстныхъ заявленій и программъ, которые на распросы ваши относительно смысла какихъ либо частей ихъ, отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: „этому не должно, впрочемъ, придавать серьезнаго значенія“. Затѣмъ, перѣдки случалъ дѣйствій членовъ различныхъ фракцій въ духѣ, совершенно противномъ сдѣланному печатно заявленіямъ. Анонимность большей части заявленій и программъ, конечно, помогаетъ такому легкому къ нимъ отношенію ихъ сторонниковъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ эти и подобныя черты крайне затрудняютъ критику принципиальной сто-

роны великорусскаго революціоннаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Несомнѣнно, что въ немъ замѣчается желаніе выйти на новые пути, стать практичнѣе, ближе къ потребностямъ населенія страны. Это уже одно должно обусловливать необходимость признанія и его разнообразій, которыя требуютъ и разнообразныхъ приемовъ дѣйствій, и такимъ образомъ должно наклонять великорусскихъ революціонеровъ къ болѣе или менѣе федеративной программѣ. Въ пользу послѣдней дѣйствуютъ и преданія 60-хъ годовъ, которые все же были лучшею эпохой великорусской революціонной литературы. Эти преданія оставили за собою по крайней мѣрѣ федерально-анархическій языкъ, если не отчетливыя идеи и представленія. Къ тому же одна громадность Россіи дѣйствуетъ на чувства, если не на мысли, такъ внушительно, что рѣдко кто изъ великорусскихъ революціонеровъ рѣшается высказаться противъ необходимости ея федеральнаго строя, — и необходимость автономіи ея общинъ составляетъ непрѣмлю общее мѣсто всѣхъ великорусскихъ программъ и послѣдняго времени.

Тѣмъ не менѣе, даже и эти программы, — не говоря уже о другихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ великорусскихъ революціонеровъ, заставляють признать вѣрность замѣчанія, высказаннаго тѣмъ же г. Аксельродомъ въ вышеупомянутой статьѣ „Переходное время партіи“:

„А сколько среди насъ такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозревая этого! Правда, у насъ очень мало сознательныхъ и послѣдовательныхъ якобинцевъ, по вѣдь безсознательность и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія“.

Безспорно, самая дѣятельная и, по всей вѣроятности, самая многочисленная часть великорусскихъ революціонеровъ, это т. п. „партія террористовъ“ или „Народной Воли“. И вотъ въ ней то и заключается наиболѣе зародышей централистическихъ, якобинскихъ. Якобинизмъ этотъ теперь еще пока болѣе безсознательный, — такъ какъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые видные члены партіи признають себя федералистами. Такимъ заявилъ себя въ своей послѣдней рѣчи Желябовъ. Кромѣ этой извѣстной всѣмъ рѣчи мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство, — письмо къ намъ Желябова, писанное въ 1880 г., которое мы еще не считаемъ возможнымъ напечатать цѣликомъ, но изъ котораго считаемъ уместнымъ привести слѣдующее мѣсто:

„Насъ, убѣжденныхъ автономистовъ, винятъ въ централизмъ \*)... за Учредительное Собраніе (созваніе котораго программа исполнит. комитета поставила ближайшаго цѣлю). Во первыхъ, не хотѣя понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидационная коммиссія, а во вторыхъ, можно ли въ программу

\*) Желябовъ имѣлъ въ виду возраженія „нарольниковъ“ и „украинцевъ“; солидарностью съ послѣдними, какъ видно и по другому мѣсту письма, онъ очень дорожилъ.

ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши феніи, Парпель? Таково положеніе вещей, что исходишь отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо, — а ставишь ближайшею задачей требованія политическія; видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части, — и требуешь Учредительнаго Собранія! Не велика заслуга предъ отечествомъ — аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы по крайней мѣрѣ предпочли бытъ бытъ мірянами“. (12 Мая 1880 г.)

Изъ этихъ словъ видны, какъ федеративныя стремленія самого Желябова, такъ и то, что эти стремленія встрѣчали себѣ „изступленныхъ враговъ“. Письмо не говоритъ, въ какой средѣ были эти враги, но мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что авторъ письма имѣлъ въ виду и ближайшіе къ нему русскіе революціонные круги. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ основаніе предполагать и послѣдніе, такъ какъ намъ случалось не разъ на наши мнѣнія о необходимости признанія со стороны русскихъ политическихъ революціонеровъ національнаго разнообразія Россіи и заявленія ясной федеративной программы, получать изъ этихъ круговъ возраженія, изъ которыхъ самыя умѣренныя были въ такомъ родѣ: „мы этого не понимаемъ“, или: „для насъ эта необходимость вовсе не такъ ясна, какъ для васъ“ и т. п. Конечно, что въ болѣе широкихъ кругахъ „русскаго“ общества „ожесточенныхъ враговъ“ федерализма, — и притомъ вполне сознательныхъ и даже прямо заинтересованныхъ въ національно-государственномъ великорусскомъ централизмѣ, — находится еще болѣе, чѣмъ въ кругахъ революціонныхъ, — и крайне характерно, что люди, въ родѣ Желябова, которые, казалось бы, отбросили страхъ передъ какими бы то ни было предрассудками русскаго общества, считали однакожъ нужнымъ уступать „ожесточеннымъ врагамъ“ федерализма.

Въ выписанныхъ словахъ Желябова есть еще одна очень характерная черта. Признавая необходимость оппортунистически считаться съ „ожесточенными врагами“ децентрализациі, Желябовъ также оппортунистически указываетъ на практическую слабость сознательныхъ децентралистическихъ элементовъ въ Россіи, имѣя въ виду преимущественно Украину, которую такъ часто сравнивали съ Ирландіею. Гдѣ украинскіе феніи? Парпель? — спрашиваетъ Желябовъ, — и очевидно, хотеть сказать, что будь они въ наличности, то онъ бы и его друзья не ограничились требованіемъ созванія Учредительнаго Собранія для единой и нераздѣльной Россіи, а поставили бы въ свою программу и требованія такого или иного home rule (домашняго управленія, автономіи) для разныхъ націй и областей теперешняго русскаго государства. Интересно, что это скептическое ожиданіе отъ Украинны феніевъ и Парпелей вылилось изъ подъ пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ са-

мому явиться однимъ изъ своего рода фе-  
пиевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣ-  
тели стали бы ждать, пока это появится  
на ихъ родинѣ home-rulers, а до тѣхъ  
поръ признавали бы себя англичанами, сто-  
рожами великобританской централизаци.  
Не скоро бы тогда Ирландія дождалась  
Парилей! А между тѣмъ таковое отношеніе  
обрусѣлыхъ „окраинцевъ“ къ своимъ род-  
нымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ  
Россіи. На Украинѣ напр. обрусѣлая „интел-  
лигенція“, даже пазывающая себя народни-  
ками, или совсѣмъ сторонится отъ всего  
мѣстно-народнаго и даже относится враж-  
дебно ко всякому напоминанію о мѣстно-  
народномъ элементѣ,—или, при всей благо-  
склонности къ нему, не идетъ далѣе полу-  
скептическаго ожиданія и вызова: подайте  
же намъ вашу украинскую культуру, укра-  
инскую политику, социализмъ, революцію!  
Какъ будто все это долженъ подать кто  
нибудь другой, а не сами вызывающіе, ко-  
торые должны бы всѣ, массою, сблизиться  
съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окру-  
жающимъ!

Вотъ изъ такихъ то элементовъ: изъ  
„ожесточенной вражды“ къ федерализму  
однихъ, изъ непониманія его настоятельной  
нужды другими, изъ уступокъ вышеупомя-  
нутой враждѣ третьихъ, изъ недостатка ини-  
циативы для энергическаго разрыва съ со-  
словнымъ и государственнымъ воспитаніемъ  
четвертыхъ и т. п. и т. п., — и складыва-  
лись вездѣ на материкѣ Европы тѣ явочныя  
теченія, которые давали даже револю-  
ціоннымъ движеніямъ, начавшимся изъ за  
желанія доставить населеніямъ всяческія  
свободы, такое направленіе, которое только  
переносило самодержавную власть надъ на-  
селеніями изъ рукъ одного центрально-го-  
сударственнаго учрежденія въ руки друго-  
го, — почти не расширяя реальныхъ правъ  
лицъ и группъ, изъ которыхъ состоятъ эти  
населенія. Вотъ почему такъ насъ и на-  
пугаютъ признаки подобныхъ же теченій и въ  
начинающемся русскомъ революціонномъ  
движеніи! Вотъ почему мы считаемъ нуж-  
нымъ настаивать на необходимости по край-  
ней мѣрѣ для революціонныхъ круговъ ра-  
дикальнаго разрыва со всѣми централи-  
стическими, государственно-національными иде-  
ями и привычками!

Къ сожалѣнію, въ кругахъ русскихъ „тер-  
рористовъ“ почти не замѣтно желанія по-  
учиться на горькомъ опытѣ другихъ евро-  
пейскихъ революцій, — а напротивъ того,  
слишкомъ много видно признаковъ фаталь-  
наго увлеченія на тѣ дороги, которые при-  
несли такъ много бѣдствій другимъ евро-  
пейскимъ странамъ. Какъ еще ли тѣсны  
предѣлы дѣятельности русскихъ политиче-  
скихъ революціонеровъ, но на нихъ уже  
видна справедливость замѣчанія, что „во  
всякой странѣ оппозиція прежде всего скла-  
дывается по типу того правительства, съ  
которымъ она борется“.

Сложившееся въ послѣднее время актив-  
ное революціонное движеніе въ Россіи прояви-  
ло себя прежде всего убійствами, которымъ и  
соціалисты считаютъ возможнымъ придавать  
имя *казней*! (И это послѣ Р. Оуэна и другихъ

отцевъ социализма и ученія о *неизбѣжности*!)  
Затѣмъ, когда въ русскихъ революціонныхъ  
кругахъ явился опытъ прочной организаціи, то  
она, выбравши себѣ спеціальностью эти казни,  
приняла ими „исполнительнаго комитета  
соціально-революціонной партіи“, — между  
тѣмъ какъ условія жизни въ Россіи отни-  
мали всякую возможность организаціи едино-  
мысленниковъ какого бы то ни было на-  
правленія, выбора ихъ представителей, со-  
вѣстнаго опредѣленія цѣлей и средствъ  
дѣятельности, словомъ, всего того, о чемъ  
говорятъ слова: *партія, комитетъ, испол-  
нительный*. Очевидно, что кружокъ, назвав-  
шій себя „исполнительнымъ комитетомъ  
р. с. р. партіи“, — былъ просто кружкомъ  
волонтеровъ, члены котораго могли пред-  
ставлять только самихъ себя. Даже для са-  
маго успѣха дѣла, онъ и долженъ бы былъ вы-  
ступить, какъ такой кружокъ волонтеровъ,  
дѣйствующихъ на свой страхъ, берущихъ  
на свои личныя совѣсти дѣйствія, но всякой  
человѣческой логикѣ, а особенно по социали-  
стической, — явно ненормальныя, объясняе-  
мыя только аномальностью же и системы  
русскаго правительства. Но такъ поступила  
только одна карательница агентствъ этого  
правительства, — Вѣра Засуличъ. Непосред-  
ственные ея послѣдователи сочли за лучшее  
назвать себя „исполнителями“ воли цѣлой  
партіи, — и приняли на себя видъ своего  
рода правительственнаго трибунала, а по-  
томъ и своего рода правительства; они до-  
шли даже до употребленія въ своихъ изда-  
ніяхъ словъ „агенты исполнительнаго ко-  
митета“! Больше года не только исполня-  
лись имъ отъ имени партіи разныя судебныя  
приговоры, основанія которыхъ никто, кро-  
мѣ самихъ исполнителей, не могъ провѣ-  
рить, но и заявлялись разныя общія мнѣнія:  
о европейскомъ социализмѣ и русскомъ на-  
родничествѣ, (о необходимости снятъ съ со-  
циализма въ Россіи нѣмецкую его одежду  
и одѣть его въ русскую сермягу и взять  
себѣ въ примѣръ даже раскольническихъ  
пророковъ и пророчицъ), объ отношеніяхъ  
соціалистовъ къ буржуазіи, либерализму и  
монархіи (съ которою думала мириться  
прокламація „Смерть за смерть“, а особенно  
г. Мирскій) и т. п., — мнѣнія, весьма и  
весьма спорныя, и часто противорѣчивыя, —  
но всегда заявляемыя торжественно отъ  
имени цѣлой русской соціально-революці-  
онной партіи.

Между тѣмъ въ этой „партіи“ существо-  
вали крупныя разногласія, — которые на-  
онецъ вышли и въ печать, именно тогда,  
когда „террористы“ стали выбираться изъ  
противорѣчій и тумана руссофильскаго на-  
родничества первыхъ номеровъ „Земли и  
Воли“ къ болѣе определенной постановкѣ  
вопроса о политической свободѣ на обще-  
европейскихъ основаніяхъ. „Народники“ рѣ-  
шились отделиться, — и такимъ образомъ  
въ 1880 г. вмѣсто одного органа р. с. р.  
партіи оказалось два: „Народная Воля“ и  
„Черный Передѣлъ“, — при чемъ первая,  
органъ „исполн. комитета р. с. р. партіи“  
должна была объявить, что „исполн. коми-  
тетъ“ вовсе не представляетъ собою всю  
партію, а есть „совершенно самостоятельное

тайное общество“, т. е., другими словами, что  
это и не „исполнительный“, и не „комитетъ“.  
А между тѣмъ имя это за нимъ осталось; —  
почему? — Потому что уже оно имѣло за  
себя извѣстную традицію! Соображеніе чи-  
сто династическаго, а не революціоннаго  
характера.

На этомъ дѣло не окончилось. Органъ  
исполнительнаго комитета принялъ названіе  
„Народная Воля“. Мы помнимъ смущеніе,  
какое обнаружилось въ нѣкоторыхъ кругахъ  
русской эмиграціи, болѣе образованныхъ по-  
литически и сохранившихъ память объ ан-  
архическихъ идеяхъ, — когда телеграммы  
въ заграничныхъ газетахъ возвѣстили о вы-  
ходѣ въ Петербургѣ „Народной Воли“ и  
перевели это имя словами: „La volonté du  
peuple“, „Die Volkswille“. Эмигранты на-  
ходили переводъ неправильнымъ и съ своей  
стороны понимали слово „Воля“, какъ Воле-  
ность, Свобода, — почему и въ нѣсколькихъ  
печатныхъ заявленіяхъ около того времени  
и въ „Revolté“ переводили имя новой га-  
зеты „La liberté du peuple“. Скоро однако  
жъ подтвердилось, что издатели „Народной  
Воли“ разумѣютъ послѣднее слово дѣйстви-  
тельно въ смыслѣ „желанія“, „рѣшенія“, —  
la volonté.

„Народная Воля“ и прокламаціи исполни-  
тельнаго комитета не разъ объявляли, то  
что они провозглашаютъ „волю народа“, то  
что они имѣютъ цѣлью добиться для народа  
возможности провозгласить свою волю, —  
передъ которой сами заявляли (и за себя,  
и даже за партію) готовность преклониться.  
И при этомъ „партія Народной Воли“ за-  
являла, что она стремится къ установленію  
въ Россіи „политической свободы“.

Но вѣдь понятіе о „народной волѣ“ по-  
чти противоположно понятію о „политиче-  
ской свободѣ“!

Политическая свобода это прежде всего  
совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ,  
неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для  
воли народа, — потомъ, правъ группъ, — само-  
управленіе общинъ и областей. Союзъ об-  
щинъ и областей, въ предѣлахъ одного  
народа (націи) или нѣсколькихъ, только и  
необходимъ (кромѣ достиженія извѣстныхъ  
цѣлей, нравственныхъ и экономическихъ, тре-  
бующихъ большихъ матеріальныхъ средствъ)  
для охраны названныхъ выше видовъ сво-  
боды, — каковая цѣль лучше всего достига-  
ется, если и этотъ союзъ, обыкновенно  
называемый государствомъ, будетъ основанъ  
на началѣ выборнаго, народнаго, представитель-  
ства. Но уже изъ сейчасть сказаннаго видно, что  
въ такимъ образомъ построенномъ (спизу  
вверхъ) политически свободномъ государствѣ  
сама „народная воля“ получаетъ весьма огра-  
ченную роль, — но за то народная свобода,  
или лучше свобода всѣхъ живыхъ состав-  
ныхъ частей народа, сохраняетъ самое ши-  
рокое значеніе. Совсѣмъ иное получается,  
если мы начнемъ построеніе государства  
сверху внизъ: отъ народа и его воли. Эта  
послѣдняя на практикѣ не можетъ быть  
ничѣмъ инымъ, какъ только волею боль-  
шинства, — а въ государствахъ большихъ, —  
столь отличныхъ отъ древнихъ государствъ  
общинныхъ или кантональных, — ничѣмъ

инимъ, какъ волею большинства представи-  
телей большинства народонаселения. Очеви-  
дно, что самодержавіе такой „волн“ тѣмъ болѣе  
часто можетъ идти совершенно въ разрѣзъ  
съ интересами значительной части населе-  
нія и существеннѣйшими правами лицъ,  
группъ, областей и даже націй. Приба-  
вимъ, что самодержавіе народное, — пря-  
мое (въ общинахъ и кантонахъ) и пред-  
ставительное, — не исключаетъ учрежденія  
диктатуры, на которую перепослется права  
народнаго самодержавія, какъ это понималось  
и въ древнихъ общинно-кантональных респу-  
бликахъ, и въ римской имперіи, и во француз-  
ской якобинской республикѣ съ ея колло-  
гической диктатурой Comité de salut publi-  
que, и въ бонапартовскихъ имперіяхъ, какъ  
это понимается и легитимистами новой  
Европы и въ Россіи напр. великороссійскими  
славянофилами, — и мы тѣмъ яснѣе увидимъ  
все различіе понятій „народная воля“ и  
„политическая свобода“.

Впрочемъ, все это весьма обстоятельно  
разъяснено цѣлою литературою, которая  
образовалась послѣ якобинской революціи  
въ XVIII вѣкѣ, — трудами европейскихъ  
политическихъ писателей разныхъ напра-  
вленій, консервативнаго, либеральнаго и  
соціалистическаго, — писавшихъ о „госу-  
дарствѣ и его предѣлахъ“. Но эта литера-  
тура, кажется, столь же мало извѣстна ре-  
волюціонерамъ, какъ и правителямъ въ  
Россіи, которые, каждый по своему, гово-  
рятъ во имя народа, его блага, воли и т. п.  
Только этимъ незнаемъ, да недостаточнымъ  
анализомъ настроенія дѣйствительнаго „на-  
рода“ въ Россіи, въ томъ числѣ и народа  
ея господствующей національности, можно  
объяснить то, что „исполнительный комитетъ“  
объясняетъ за себя и, можно сказать,  
за своихъ послѣдниковъ подчиниться „на-  
родной волѣ“, какова бы она ни была, лишь  
бы она была свободно (?) выражена.

Въ частности, для лицъ, произносящихъ  
подобныя обѣщанія, опасность отъ необхо-  
димости исполнять ихъ еще не очень близка.  
Практическій вредъ подобныхъ обѣща-  
ній, какъ и всѣхъ политическихъ доктринъ,  
и государственныхъ приемовъ „русскихъ  
террористовъ“, заключается въ томъ, что  
они вовсе не колеблютъ идеи государствен-  
но-централистическаго самодержавія, а толь-  
ко переносятъ его въ другія руки. Отсюда  
происходитъ и та робость покуситься на  
радикальное отрицаніе существующихъ по-  
литическихъ отношеній, какая видна и въ  
письмѣ Желябова, — въ слабостъ развитіи  
идеи областной свободы въ „программѣ ис-  
полнительнаго комитета“, въ совершенномъ  
умолчаніи ея вопроса о правахъ національ-  
ностей и въ сокрытіи разнообразнаго насе-  
ленія Россіи подъ именемъ русскаго народа \*).

\* Въ „Программѣ исполнительнаго комитета“  
находимъ, правда, въ раздѣлѣ В замѣчаніе, что въ  
народѣ (?) существуетъ, въ числѣ „старыхъ, тради-  
ционныхъ принциповъ... зачатки федеративнаго ус-  
ройства“, — а въ раздѣлѣ Г желаніе „широкаго об-  
ластного самоуправленія, обезпеченнаго выборностью  
всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и эко-  
номической независимостью народа“, — но тутъ „об-  
ласть“ какъ то смѣшана съ „міромъ“ (общиною),  
въ вопросу о которомъ любятъ сводить всѣ разго-

Можно бы было подумать, что русскіе тер-  
рористы желаютъ сохранить централизован-  
ную машину русской имперіи для того,  
чтобы „на другой день переворота“ ея  
воспользоваться для своихъ цѣлей, какъ это  
было столько разъ съ революціонерами дру-  
гихъ европейскихъ странъ. Но самое худшее,  
это то, что не подорванная даже въ теоріи  
эта машина, — даже въ случаѣ созыва Учре-  
дительнаго Собранія или просто всероссій-  
скаго Земскаго Собора, — можетъ послужить  
совсѣмъ не революціонерамъ, — болѣе или  
менѣе социалистамъ, — а кому нибудь дру-  
гому, напр. консервативно-бюрократической  
диктатурѣ съ легкими починками, какъ это  
сталося напр. въ Австріи послѣ 1849 г.  
Вотъ почему и желательно бы было, чтобы  
въ числѣ другихъ общественныхъ элемен-  
товъ и „русскіе террористы“ передумали  
болѣе систематически надъ вопросомъ о  
дѣйствительной политической свободѣ, кото-  
рой нѣтъ безъ децентрализаціи — общинной,  
областной, національной. Вопросы о націо-  
нальностяхъ имѣютъ ту полезную сторону,  
что они разлагаютъ представленіе объ едино-  
образіи состава населенія государства, про-  
тиводѣйствуютъ стремленію къ смѣшенію  
идей о народѣ (націи) и государствѣ и  
такимъ образомъ наглядно ставятъ вопросъ  
о децентрализаціи и о предѣлахъ власти  
вообще.

Въ самое послѣднее время „исполни-  
тельный комитетъ“ показалъ, что и онъ  
не совсѣмъ глухъ и слѣпъ къ вопросу о  
національномъ и областномъ разнообразіи  
населенія Россіи. Крупный фактъ антиеу-  
рейскаго движенія среди украинскаго насе-  
ленія подѣйствовалъ и на него, — а съ  
другой стороны, и до него проникла идея,  
которая начинаетъ ходить и среди рус-  
скихъ революціонеровъ, — исходя преимуще-  
ственно изъ южныхъ кружковъ, — о не-  
обходимости воспользоваться для борьбы  
противъ монархическаго строя всѣми остат-  
ками свободныхъ учреждений и воспомина-  
ній въ населеніи различныхъ областей  
Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній  
и соображеній исполнительный комитетъ въ  
послѣдніе дни сдѣлалъ два шага въ сторо-  
ну признанія національнаго и областного  
разнообразія того, что онъ называлъ безраз-  
лично „народомъ русскимъ“, но, къ сожа-  
лѣнію, эти шаги отличаются все такъ от-  
рывочнымъ, несистематическимъ характе-  
ромъ и не показываютъ должнаго знанія даже  
тѣхъ населеній, къ которымъ обращается  
„исполнительный комитетъ“ \*).

Вопросъ о самоуправленіи великорусскіе революціонеры,  
— а передъ этимъ пунктомъ поставленъ другой, по  
которому „постоянному народному представитель-  
ству“ (т. е. центральному парламенту) предоставленъ  
„полная власть во всѣхъ общегосударствен-  
ныхъ (?) вопросахъ“. Во всей программѣ нѣтъ ни  
слова о разноразнообразности областей Россіи и о  
правахъ національных, — а цѣлюю теперешней ре-  
волюціонной дѣятельности поставлено: „отнять власть  
у существующаго правительства и передать ее Уч-  
редительному Собранію“.

\*) Со времени извѣстнаго „униженія наукъ“,  
а особенно наукъ, которые казались великорус-  
скимъ революціонерамъ „националистическими“, всѣ  
ихъ заявленія и дѣйствія отличаются болѣе эм-  
пирическимъ характеромъ, — „на ощупь“, — нежели

Мы разумѣемъ двѣ прокламаціи „испол-  
нительнаго комитета“, — одну къ украин-  
цамъ по поводу противоеврейскаго движенія,  
другую къ „славному войску казацкому“. Пер-  
вой мы не имѣли въ нашихъ рукахъ и судимъ  
о ней по газетнымъ извѣстіямъ и словамъ  
немногихъ, читавшихъ ее. Она замѣчатель-  
на главнымъ образомъ по своему языку:  
это первый опытъ обращенія „исполнитель-  
наго комитета русской с. р. партіи“ къ части  
населенія Россіи на языкѣ неофициальномъ.  
Но, по своему содержанію, прокламація эта,  
говорятъ, представляетъ слишкомъ большое  
увлеченіе народничествомъ за предѣлы доз-  
волительныя для социалистовъ интернаціо-  
нальнаго направленія. Въ прокламаціи къ  
козакамъ намъ бросилось въ глаза незнаеніе  
того, что большая часть кубанскихъ коза-  
ковъ — недавніе Черноморцы, наслѣдники  
Запорожцевъ, — которымъ совсѣмъ ничего  
не говорятъ имена Разина и Пугачева,  
какими только и довольствуется проклама-  
ція, ни слова не говорящая о Сѣвѣ Запо-  
рожской!

Конечно, и въ Петербургѣ обязательно  
знать прошлое разныхъ областей, если  
уже признано за нужное къ нимъ обра-  
щаться съ напомниманіемъ ихъ прошлаго, —  
но вообще приспособиться надлежащимъ  
образомъ къ условіямъ каждой области мо-  
гутъ только мѣстныя организаціи, которыя  
поставятъ себѣ цѣлью организацію широ-  
каго политико-соціальнаго движенія, а не  
одни только политическія убійства. Но о  
такихъ организаціяхъ, которыя могутъ на-  
лежащимъ образомъ сфедерироваться только  
снизу вверхъ, — органы великорусскихъ тер-  
рористовъ еще не говорили, — а потому и  
мы должны оставить эту фракцію велико-  
русскихъ революціонеровъ на слабыхъ по-  
пыткахъ дифференціаціи ея дѣятельности,  
которыя сейчасъ упомянуты и которыя не  
измѣняютъ сущности ея узко-великорусскаго  
и якобинскаго характера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М. Драгомановъ.

## ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

(Отъ нашего корреспондента).

Спѣшу сообщить Вамъ на скорую руку  
послѣднія новости, хотя, можетъ быть, Вы  
ихъ будете знать еще раньше по телегра-  
фу. Графъ Игнатьевъ былъ въ большой  
опасности. Оберъ-полицеймейстеръ Козловъ  
получилъ письмо, въ которомъ его увѣдо-  
мили, что Желябовъ и Перовская являют-  
ся каждую ночь автору письма, приказывая  
ему убить Игнатьева и Козлова, въ от-  
мщеніе за смерть казенныхъ. Но, гово-

систематическимъ, основаннымъ на снѣзѣ. По-  
полнить этотъ недостатокъ лежитъ на тѣхъ поко-  
лѣніяхъ, которыя еще не застигнуты активнымъ  
движеніемъ и находятся въ школахъ, если только  
эти поколѣнія употребятъ время зеленой молодос-  
ти на изученіе хода политическо-соціальной жизни въ  
передовыхъ странахъ Европы и мѣстныхъ условій  
разныхъ краевъ Россіи.



рится въ письмѣ,—Игнатъевъ показываетъ въ послѣднее время наклонность произвести реформы въ пародномъ духѣ, такъ что убивать его было бы жалко. „Что же мнѣ дѣлать?—восклицаетъ авторъ письма,—я долженъ повиноваться. Что же касается до васъ, генералъ, то я васъ не знаю и потому убить васъ мнѣ вовсе не трудно. Я уведомляю васъ объ этомъ только по той причинѣ, что не желаю быть обвиненнымъ въ измѣнительскомъ дѣйствіи“ и т. д.

Полиціи было легко тотчасъ же найти этого *candidatum attentati* (?) (какъ о немъ съострилъ самъ Козловъ) и при обыскѣ на его квартирѣ оказались дѣйствительно у него книжки и уже заряженный револьверъ.

На вопросъ—совершилъ ли бы онъ въ самомъ дѣлѣ убійство, —арестованный (студентъ 30 лѣтъ) отвѣчалъ, не смущаясь: „Конечно,—и если бы мнѣ теперь не вышла помѣха, я бы уже началъ дѣйствовать“. Теперь производится врачами освидѣтельство состоянія его умственныхъ способностей, которое, впрочемъ, до сихъ поръ не открыло ничего ненормальнаго.

Это происшествіе еще болѣе смутило всѣхъ при дворѣ, нежели покушеніе на Черевина. Полагаютъ, что и Георгіевскій празникъ будетъ имѣть мѣсто въ Гатчинѣ; это будетъ первый случай съ основаніемъ ордена.

Кальюки пріѣхалъ сюда для представленія своихъ *lettres de gabel* и имѣлъ сегодня длинную конференцію съ Гирсомъ. Онъ долженъ испросить согласіе на назначеніе австрійскимъ посломъ Каллая.

Сейчасъ видѣлъ лицо, пріѣхавшее изъ Гатчины. Съ такимъ трудомъ подготовленное примиреніе гр. П. А. Шувалова со дворомъ рушилось внезапно, говорятъ, вѣдѣствіе ранняго сообщенія о немъ англійскими газетами и комментарій, которыми онъ его сопровождалъ. Шуваловъ остается пока безъ назначенія, казавшагося такъ близкимъ.

Двумя придворными дамами, находившимися въ непосредственной близости къ царской фамиліи, составлена была, какъ ее называютъ, *конспиративная котерія*, впрочемъ, весьма невиннаго характера, на подобіе нелидовской. Сопровождались собирались на парижскомъ парѣнн о введеніи конституціоннаго правленія въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, открытіе *конспираціи* произвело ужасъ, дамы впали въ немилость, сопровождались разыскиваются.

П. Ф.

ВЪ РЕДАКЦІЮ „ВОЛЬНОГО СЛОВА“.

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ!

Покорнѣйше прошу Васъ, г. Редакторъ, помѣстить въ ближайшемъ № издаваемой Вами газеты слѣдующую поправку къ примѣчанію статьи г. Драгоманова (№ 16, стр. 4, 1-й столбецъ):

Типографія никогда и на въ какихъ случаяхъ не позволяетъ себѣ измѣнять ни заглавій, ни текста печатаемыхъ въ ней изданій. Въ

данномъ случаѣ заглавіе было напечатано согласно волѣ авторовъ

Imprimerie Polonaise, ch. Neuf, 13.

Редакция „Вольнаго Слова“ сообщила эту поправку Imprimerie Polonaise г. Драгоманову и получила отъ него слѣдующее объясненіе:

Свѣденіе объ измѣненіи заглавія программы „польско-украинской партіи“ въ Восточной Галиціи, которымъ свѣденіемъ вызвана поправка типографіи, пополнено нами въ 17 № „В. Слова“, стр. 5, 2 столб., примѣчаніе. Основываясь на самомъ компетентномъ извѣстіи изъ Галиціи, мы сообщили тамъ, что эта программа была озаглавлена авторами: „Program socjalistów polskich i ruskich wschodniej Galicji“, (какое только заглавіе и соответствуетъ ея содержанію), но вмѣсто того программа эта озаглавлена была въ Женевѣ: „Program socjalistów polskich wsch. Gal.“—и въ такомъ видѣ пущена была въ ходъ,—а потому послѣднее заглавіе было заключено новымъ—„Program soc. galicyjskich“. „Imprimerie Polonaise“ поправляетъ насъ, говоря, что она не измѣняетъ заглавій, печатаемыхъ ею рукописей. Мы должны принять къ свѣденію эту поправку и извиниться передъ типографіей, которую мы между прочимъ потому сочли отвѣтственною за это измѣненіе, что на печатной программѣ стоитъ только ея подпись,—но на основаніяхъ, о которыхъ сказано выше, мы все такъ утверждаемъ, что авторы программы, находящіеся въ Галиціи, назвали ее — „Program soc. polskich i ruskich wschodniej Galicji“. Кто же теперь сдѣлалъ измѣненіе, —повторяемъ, совершенно противорѣчаща даже содержанію программы? —вопросъ остается открытымъ.

Примите и проч.

М. Драгомановъ

## ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ.

### IV.

#### ВЕЛИКОБРИТАНІЯ.

Стачки. Аграрное движеніе въ Ирландіи. Агитации среди сельскихъ наемныхъ рабочихъ.

Л. Брентано, въ своей книгѣ о ремесленныхъ союзахъ Англій, высказалъ убѣжденіе, что они окончательно водворятъ миръ и гармонию между работодателями и рабочими. Заключеніе свое основалъ онъ на томъ обстоятельстве, что по мѣрѣ усиленія ремесленныхъ союзовъ, какъ со стороны своей организаціи, такъ и численности членовъ, характеръ столкновеній труда и капитала существенно измѣнялся, да и самыя столкновенія происходили не такъ часто, какъ въ періодъ отсутствія или недостаточнаго развитія ремесленнаго движенія. Есть извѣстная доля правды въ этомъ утвержденіи Брентано. Дѣйствительно, когда рабочіе какой нибудь отрасли труда, въ лицѣ, по крайней мѣрѣ, значительнаго меньшинства, организованы въ союзъ сопротивленія, да, прибавимъ, если при этомъ въ этой отрасли невозможно легко замѣщать опытныхъ работниковъ новичками, то столкновенія съ хозяевами дѣлаются рѣже и самый характеръ ихъ терлеть значительно въ своей интенсивности. Объясняется это просто тѣмъ, что, съ одной стороны, хозяева опасаются доводить дѣло до стачки, изъ страха предъ силой союза, а съ другой, что послѣдній дѣлается осторожнѣе, менѣе стремителенъ въ своихъ рѣшеніяхъ, а отчасти и просто консервативенъ въ лицѣ своей администраціи, приобретающей своего рода положеніе и привычки дипломатовъ. Не смотря, однако, на

то, что въ Англій рабочіе организованы въ могущественные союзы, едва ли въ этой странѣ проходитъ когда нибудь 2—3 мѣсяца безъ крупной стачки. Обстоятельство это весьма недвусмысленно указываетъ, что отношенія, порождаемыя капиталистическимъ хозяйствомъ, разрываются съ неодолимой силой и въ самой Англій, не смотря на смягчающее вліяніе политической свободы и сдерживающую политику руководителей рабочаго движенія въ Англій. Едва ли можно сомнѣваться, что съ приближеніемъ момента потерн ея перевѣса на всемірномъ рынкѣ, принципиальная точка зрѣнія въ отношеніяхъ труда и капитала получитъ все большее и большее распространеніе среди англійскихъ рабочихъ; а разъ послѣдніе усвоятъ социалистическія воззрѣнія, имъ не трудно будетъ, благодаря своимъ обширнымъ организаціямъ, перейти къ реализаціи послѣднихъ.

За послѣдній мѣсяцъ газеты сообщали о трехъ крупныхъ столкновеніяхъ хозяевъ и рабочихъ въ Стаффордширѣ и Ланкаширѣ. Въ послѣднемъ рабочіе угольныхъ копей потребовали повышенія платы и, вслѣдствіе отказа со стороны хозяевъ, прекратили 1 ноября работу. Впрочемъ, по сообщеніямъ въ лейпцигскую „*Illustrirte Zeitung*“ (12 ноября), углекопы рѣшили работать только 4 дня въ недѣлю, надѣясь такимъ путемъ вынудить хозяевъ на уступку. Въ Сѣверномъ Стаффордширѣ рудокопы еще раньше стаянулись изъ за требованія повысить плату на 10%. Пока въ стачкѣ участвуютъ 2.500 рабочихъ, но, по словамъ той же газеты, она принимаетъ еще болѣе серьезный характеръ\*). Наконецъ, опять таки изъ за повышенія платы возникло столкновеніе въ Стаффордширѣ, въ округахъ фарфорового производства. Отъ 60 до 80.000 рабочихъ фарфоровыхъ фабрикъ заявили требованіе на повышеніе платы, угрожая стачкой. Нѣсколько сотъ тысячъ существъ (дѣтей и женщинъ) заинтересованы въ исходѣ этого столкновенія, замѣчаетъ рабочій органъ „*Vorbote*“ (15 окт.), издающійся въ Чикаго. Но объ исходѣ до сихъ поръ во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ ничего не сообщено, что объясняется, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что общественное мнѣніе Европы и самой Англій больше всего поглощено аграрнымъ движеніемъ въ Ирландіи.

\* \* \*

Послѣднее, ни по своимъ стремленіямъ, ни по своимъ составнымъ элементамъ, не входитъ непосредственно въ категорію явленій, обнимаемыхъ рабочимъ движеніемъ. Въ противоположность послѣднему, ирландское аграрное движеніе ставитъ себѣ цѣлью образованіе класса мелкихъ поземельныхъ собственниковъ, аналогичнаго французскому крестьянству. Среди 600.000 ирландскихъ фермеровъ имѣется 31.000 съ довольно крупными арендами,—не менѣе сотни десятинъ и до нѣсколькихъ сотъ. Больше 200.000

\*) Въ газетѣ „*Justice*“ мы находимъ лаконическое извѣстіе, что 9 ноября мичиганъ изъ 300.000 рудокоповъ въ округѣ Jamsworth рѣшился требовать повышенія платы и, въ случаѣ отказа, прекратить работу.

фермеров имѣютъ участки отъ 5 акровъ до 15. Но, при современной ступени капиталистическаго производства, эта масса мелкихъ фермеровъ, превращенная въ собственниковъ своихъ участковъ, неминуемо должна будетъ уступить мѣсто нѣсколькимъ десяткамъ тысячъ крупныхъ собственниковъ, имѣющихъ, по программѣ движенія, образоваться изъ теперешнихъ крупныхъ и среднихъ фермеровъ. Такимъ образомъ, по своей внутренней логикѣ, ирландское движеніе едва ли способно привести даже къ образованію такого многочисленнаго мелкаго крестьянства, какое возникло во Франціи въ концѣ прошлаго вѣка. При всемъ томъ, аграрное движеніе Ирландіи, благодаря своему совпадению по времени съ повсемѣстнымъ эмансипационнымъ движеніемъ пролетаріата, можетъ породить и рядъ принципиально революціонныхъ послѣдствій, въ особенности, вліяя, благодаря своему интенсивному характеру, на умы и настроеніе рабочихъ въ Англіи и въ другихъ странахъ Европы и Америки. Экспроприация лордовъ въ Ирландіи можетъ возбудить аппетиты и сельскихъ рабочихъ, и фермеровъ Англіи, а разъ признанъ принципъ экспроприации немногихъ въ пользу большинства, то отчего не примѣнить его и къ прочимъ средствамъ производства, — къ фабрикамъ, машинамъ и т. д., которыя уже по самому своему устройству не могутъ быть эксплуатируемы единичными силами одного работника и его семьи. Это косвенное, но громадное значеніе ирландскаго движенія для рабочихъ массъ Европы и Америки вообще, чувствуется и сознается всеми социалистическими партиями, чѣмъ и объясняется сильный интересъ и сочувствіе, обнаруживаемые къ этому движенію въ социалистической прессѣ. Въ виду этого и мы позволимъ себѣ въ нашей хроникѣ рабочаго движенія удѣлить на этотъ разъ мѣсто свѣденіямъ о повѣйшемъ фазисѣ ирландскаго движенія.

Послѣ изданія закона о земельномъ трибуналѣ для регулированія отношеній между фермерами и лендлордами многие предсказывали скорое прекращеніе революціоннаго настроенія въ Ирландіи, въ особенности же, что лига потеряетъ всякое вліяніе. Что это предсказаніе не оправдалось, видно изъ страшнаго увеличенія арестовъ членовъ лиги и ея предводителей, какъ и изъ формальнаго закрытія ея. Какъ относятся вліятельные члены лиги къ новому трибуналу, можно видѣть изъ письма Парнеля, переданнаго имъ извѣстному экономисту Генри Жоржу и опубликованному послѣднимъ. Заимствуя изъ „Wochenblatt der Newyorker Volks“ (12 ноября) слѣдующій отрывокъ изъ этого письма: „Настало время, когда народу слѣдуетъ выбирать между земельнымъ трибуналомъ и принципами земельной лиги. Слѣдуетъ отказать въ помощи арендаторамъ, живущимъ въ помѣстьяхъ, гдѣ прочіе арендаторы платятъ ренту или обращаются въ трибуналъ. Пусть, по прежнему, изгнанные фермеры обращаются за помощью къ земельной лигѣ, а не тратятъ своихъ ничтожныхъ средствъ на бесполезные процессы. Мы всѣ, заключенные въ тюрьмѣ, готовы

оставаться здѣсь цѣлые мѣсяцы, годы, а если необходимо, то и до тѣхъ поръ, пока ирландскій народъ не забудетъ ученій, проповѣдуемыхъ нами въ теченіи двухъ лѣтъ“. Таково настроеніе руководителей лиги. Что касается до настроенія ирландскаго населенія вообще, а отчасти и лучшихъ людей Англіи, то едва ли его лучше можно охарактеризовать, чѣмъ это сдѣлалъ даровитый экономистъ, *Генри Жоржъ*, въ своей телеграммѣ въ „Irish World“ отъ 3 ноября \*):

„Посланіе архіепископа Макъ-Кеба не произвело никакого дѣйствія на умы; всѣ съ отвращеніемъ отвернулись отъ попытки смѣшать политику съ религіей. Нападки архіепископа на находившихся въ тюрьмѣ руководителей лиги вызвали негодованіе во всей Ирландіи. Аресты и заключенія въ тюрьмы продолжаютъ еще въ большихъ размѣрахъ, но они никого не пугаютъ, а скорѣе озлобляютъ и ожесточаютъ населеніе. Быть заключеннымъ въ тюрьму считается честью, находится въ положеніи „поднадзорнаго“, „подозрительнаго“ составляетъ для каждаго ирландца предметъ гордости. Мѣстные власти ведутъ себя очень нахально. Они устраиваютъ собранія, въ которыхъ клеветуютъ на Ирландію и превозносятъ британскій кабинетъ. Господство террора ничуть не ослабляетъ мятежный національный духъ ирландцевъ. Ренту платитъ чуть ли не десятая часть населенія. Во многихъ помѣстьяхъ фермеры объявляютъ лендлордамъ, что не будутъ платить ни цента ренты до тѣхъ поръ, пока не будутъ выпущены Парнель и всѣ другіе заключенные въ тюрьму члены земельной лиги. Другіе фермеры, хотя съ виду и не отказываются отъ взноса ренты, но въ сущности не платятъ ее, требуя пониженія ренты на 40—50 или даже на 80 процентовъ. Тѣмъ временемъ земельная лига съ полнымъ спокойствіемъ продолжаетъ свою дѣятельность, и вожаки вполне увѣрены, что имъ удастся устранить Гладстона и побѣдить лендлордовъ. Надежные агенты лиги обязываютъ всѣ графства Ирландіи, собираютъ важныя свѣденія, возбуждаютъ надежды и подаютъ совѣты. Деньги прибываютъ изъ Парижа, тотчасъ же попадаютъ въ руки лицъ, занимающихся раздачей вспомоществованій изгнаннымъ фермерамъ. Органы лендлордовъ описываютъ самыми мрачными красками ужасы „дня изгнанія“ (eviction day — за невзносъ ренты) и уговариваютъ: „Платите ваши ренты и оставайтесь въ вашихъ хижинахъ; добрый лендлордъ смиростивится тогда надъ вами“. Лига смѣется надъ этими совѣтами. Агенты лиги стараются изо всѣхъ силъ доказать народу, что онъ ничего не потеряетъ, если будетъ сопротивляться. Нѣкоторые богатые фермеры рѣшились на изгнаніе съ цѣлью ободрить болѣе бѣдныхъ сосѣдей поступать такимъ же образомъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ изгоняется много фермеровъ, лига намѣрена заплатить ренту за одну ферму, для того чтобы построить въ ней хижины для изгнанныхъ

\*) Перевожу съ нѣмецкаго перевода этого письма въ „Vorboten“ (12 ноября). Послѣднее есть ежедневное изданіе издающейся въ Чикаго ежедневной „Arbeiter-Zeitung“.

фермеровъ. Такой способъ пассивнаго сопротивленія заставитъ лендлордовъ отказаться отъ дальнѣйшей борьбы. Большинство изъ нихъ и безъ того извѣстные моты и тратятъ слишкомъ много денегъ, чтобы имѣть ихъ наведеніе борьбы. Сосчитали, что среднимъ числомъ не уплачено ренты въ теченіи 18 мѣсяцевъ во всей Ирландіи. Въ своемъ отчаяніи лендлорды измышляютъ всевозможныя небывальщины о народныхъ возстаніяхъ, заговорахъ и другихъ страшныхъ предпріятіяхъ. Никто не вѣритъ этому. Тамъ и сямъ полицейскіе, отъ нечего дѣлать, дерутся своими палками и пускаютъ въ ходъ штыки. Всѣ сообщенія о событіяхъ въ Белмюлетѣ согласны въ томъ, что констебли избили народъ безъ всякой причины, — народъ и не думалъ сопротивляться. Придурковатый мальчикъ произвел шумъ, а полиція напала на толпу со штыками и стрѣляла въ слѣдъ убѣгающему народу. 60 лицъ поранено, изъ нихъ 10 смертельно, а двое убиты на мѣстѣ. Всѣ раненые, попавшіеся въ руки полиціи, были потащены въ Кастельбарскую тюрьму и оставлены 24 часа съ неперевязанными рапами. Полиція старалась распространить убѣжденіе, что она бьется народа, и настаивала на томъ, чтобы судья (соговер) не выходилъ безъ конвоя. Судья не желалъ поддерживать такой обманъ и пошелъ безъ конвоя на мѣсто происшествія.... О положеніи заключенныхъ агитаторовъ можно судить по тому, что нѣкоторымъ изъ нихъ наложили цѣпи.

Союзы женской лиги имѣютъ засѣданія въ частныхъ домахъ, такъ какъ имъ запрещено устраивать открытыя собранія. Здѣшній центральный союзъ женской лиги имѣлъ вчера специальное засѣданіе для пріема миссъ Геленъ Тайлоръ. Это дочь извѣстнаго экономиста, Джона Стюарта Милля, пріѣхавшая въ Ирландію съ цѣлью лично убѣдиться въ положеніи дѣлъ. На собраніи былъ прочитанъ отчетъ о событіяхъ въ Белмюлетѣ. Тамъ закололи штыками дѣвушку и арестовали слѣпое мальчика за сопротивленіе дѣйствіямъ полиціи. Случай этотъ столько же возмущаетъ душу, какъ и внушаетъ отвращеніе. Миссъ Тайлоръ вечеромъ произнесла рѣчь, въ которой между прочимъ сказала: „Я пріѣхала въ Ирландію съ убѣжденіемъ, что каждый англичанинъ и каждая англичанка, если они имѣютъ хоть сколько нибудь уваженія къ свободѣ, нравственно обязаны рѣшительно протестовать противъ поведенія правительства. Мнѣ почти стыдно, что я англичанка. Я чувствую, что вы, родившись въ Ирландіи, должны считать одно имя Англіи ненавистнымъ и что ваша ненависть и презрѣніе имѣютъ полное основаніе; но я могу увѣрить васъ, что уже существуютъ тысячи и что скоро будутъ существовать милліоны, которые поднимутъ свой голосъ, чтобы протестовать противъ притѣсненія Ирландіи. День вашего возмездія придетъ. Я помню, какъ въ 1852 году улицы Парижа были полны солдатъ, какъ въ это время полиція, опьяненная водкой, убивала мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Виновникъ этихъ преступленій оставался много лѣтъ повелителемъ Франціи. Но скрытое

озлобление наконец вырвалось наружу, и этот человек умер в изгнании, безчестный и презренный. Так же верно кара постигнет тех, которые унижают теперь Ирландию. Никогда Австрия в своих итальянских провинциях не совершала таких ужасов, как правительство Гладстона в Ирландии..... Будь я в состоянии, я бы тут же сдѣлалась ирландкой и предпочла бы терпѣть отъ рабства, чѣмъ нести долю безчестія и позора тирановъ. Англійскій народъ фактически не знаетъ, что въ Ирландіи совершается.... Я знаю, что говорю, если я выражаю увѣренность, что симпатія къ вамъ Англіи растутъ, хотя и медленно. По возвращеніи въ Англію я сообщу все, что слышала и видѣла въ Ирландіи. Когда женщины въ Англіи узнаютъ объ всемъ, происходящемъ въ Ирландіи, тогда, безъ сомнѣнія, скоро обнаружится отвращеніе и презрѣніе къ министерству.... Англійскій народъ долженъ скоро сознать, что отъ его имени совершаются преступленія“.

„Миссъ Тайлоръ, прибавляетъ корреспондентъ „Irish World“, изумляется поведенію ирландскаго народа. Она избрана въ президенты общества вспомоществованія заключеннымъ агитаторамъ“.

Пояснительныя примѣчанія къ этому письму излишни. Но, какъ наглядна иллюстрація къ нему, пусть послужатъ еще нѣкоторые фактическія сообщенія. Въ одномъ тайномъ засѣданіи лиги 200 человекъ вписались новыми членами. Одинъ священникъ въ Lahardone предоставилъ церковное зданіе для засѣданій лиги, за что былъ арестованъ. Другой священникъ, вопреки епископскому посланію, остался ревностнымъ приверженцемъ лиги, за что лишился своей должности. Населеніе, въ отвѣтъ на эту, мѣру заперло церковь. Въ разныхъ мѣстахъ народъ разбиваетъ окна помѣщеній полицейскихъ, изгоняющихъ фермеровъ. Въ теченіи октябрия число преступленій достигло до 500 \*). Телеграмма отъ 10 ноября возвѣщаетъ объ убійствѣ племянника и агента лорда Дигби, а два дня спустя сообщено объ убійствѣ трехъ другихъ сборщиковъ ренты. Нападенія и оскорбленія, пишутъ въ „Cin. Français“, совершаются на югѣ и юго-западѣ Ирландіи, въ особенности въ окрестностяхъ Mallow. Въ Ульстерѣ сборъ ренты туго идетъ. Въ Вантингласѣ бойкотировали трупъ, для котораго пришло изъ другой мѣстности добить повозку (умершій дѣйствовалъ наперекоръ интересамъ лиги). Въ Глоганѣ угрозами заставляютъ священника отказаться отъ агитации въ пользу платежа ренты. Затѣмъ, идутъ поджоги, всякаго рода насилія, покушенія на жизнь генерала Meates'a, вице-губернатора одного графства, динамитный взрывъ на паракодѣ Severn, при чемъ тяжело ранено 43 человека и убито 9 \*\*). Въ тоже время въ „Justice“ (24 ноября) депеша изъ Дублина сообщаетъ о тайномъ распространеніи новаго манифеста, въ кото-

ромъ предлагается производить сильное давленіе для воспрепятствованія фермерамъ (репатриатамъ или слабохарактернымъ) платить ренту или обращаться въ трибуналъ.

Правительство, съ своей стороны, старается, рядомъ съ преслѣдованіями, ослабить революціонное движеніе значительными сбавками ренты (до 40—50%). Все это, однако, далеко не ослабляетъ впечатлѣнія, производимаго преслѣдованіями, все болѣе усиливающимися, какъ это видно изъ того, что однихъ только членовъ лиги арестовано до 500 человекъ. Протестъ населенія выражается и въ легальныхъ манифестаціяхъ. Многіе члены дублинскаго городского совѣта отказались отъ своихъ должностей. Городской совѣтъ Уотерфорда почтилъ Диллона званіемъ почетнаго гражданина этого города, а въ Коркѣ торговая палата единогласно избрала Парреля своимъ президентомъ.

Въ заключеніе, обратимъ еще вниманіе, что рядомъ съ расширеніемъ экономической и политической программы фермерскаго движенія (окончательный переходъ земли въ собственность фермеровъ и независимый парламентъ для Ирландіи), новый элементъ начинаетъ предъявлять требованія на вниманіе къ своему угнетенному положенію. Это—сельскій пролетаріатъ, составляющій хотя и меньшинство населенія, но очень значительное (если не ошибаюсь, то около 1/3 общаго числа фермеровъ). Они жалуются, что фермеры только за себя хлопочутъ, игнорируя интересы сельскихъ рабочихъ, и въ виду этого начинаютъ сами организоваться. Инициаторы этого движенія обращаются въ своемъ манифестѣ къ своимъ сотоварищамъ по положенію со словами: „Образуемъ могущественный союзъ, чтобы заявить о своихъ правахъ и докажемъ міру, что мы твердо рѣшились добиваться ихъ“.

Фактъ этотъ крайне знаменателенъ, и если движенію этому суждено быстро развиваться, то оно можетъ дать новое направленіе тенденціямъ аграрной лиги и значительно радикализировать экономическую программу въ принципиальномъ отношеніи. Но это, конечно, пока только одни предположенія.

#### СОСТАВЪ ЕВРЕЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗЪ РОССИИ.

Въ декабрьской книгѣ лондонскаго обозрѣнія „The Nineteenth Century“ помѣщена статья раввина Адлера—„Новыя фазы юдофобіи“, какъ возраженіе на помѣщенію въ октябрьской книгѣ весьма неблагоприятную еврейскую статью пр. Гольдмана Смита. Самая статья Адлера, явно пристрастная, представляетъ мало интереса, но въ ней мы находимъ, на ряду съ прославленіемъ гг. Бродскихъ, какъ обогатителей страны, любопытное свидѣніе о еврейскихъ эмигрантахъ, преслѣдованныхъ изъ Россіи черезъ Броды и Ливерпуль. По словамъ Адлера, въ Бродяхъ находится до 10,000 эмигрантовъ евреевъ; 500 перѣхало черезъ Ливерпуль въ Америку, — и между ними не было ни одного ростовщика (?). „Большинство изъ нихъ, говоритъ Адлеръ, кузнецы, кирпичники, каменщики, столяры, котельники слесари, пильщики, маляры, саножники, портные и полевые работники (?); около двадцати процентовъ мелочные торговцы, а десять процентовъ—раззоренные въ концѣ дворянскія и купцы, лишившіеся всего

своего состоянія“. Интересно было бы проверить разносторонними наблюденіями, — какой же собственно элементъ евреевъ эмигрируетъ теперь изъ Россіи: болѣе рабочихъ, или болѣе эксплуататорскій. Если послѣдній остается на мѣстѣ,—тогда, право, нечему радоваться при видѣ этой эмиграціи.

#### БИБЛИОГРАФІЯ.

Недавно появились на французскомъ языкѣ переводы украинскіхъ социалистическихъ брошюръ:

1) *La Machine à vapeur*. Conte socialiste. Traduit de l'ukrainien. Prix 25 c. Marseille. Jean Lombard, 1881.

2) *Richesse et pauvreté*. Dialogue économique entre paysans oukraiïniens. (Le Travailleur. Journal de la classe ouvrière. Paraissant tous les Dimanches, 1881. N° 12—15. Marseille).

Такъ какъ эти брошюры, какъ вообще украинскія социалистическія брошюры, изданныя съ 1875 г. въ Вѣнѣ, Львовѣ и Женевѣ, излагаютъ теоріи социализма въ примѣненіи къ мѣстнымъ условіямъ, то переводъ ихъ на французскій языкъ можетъ способствовать и ознакомленію иностранцевъ съ Украниною.

Для той же цѣли служатъ и нѣсколько статей г. С. Подолискаго, которыя появились въ нѣкоторыхъ французскихъ изданіяхъ и которыя теперь вышли отдѣльными брошюрами:

3) *Note sur l'ethnographie, la statistique et l'état sanitaire de l'Ukraine*. Extrait du Bulletin de la Société Languedocienne de Géographie. Montpellier, 1881.

4) *L'état sanitaire des populations du gouvernement de Kiev*. (Association française pour l'avancement des sciences).

Въ миланскомъ обозрѣніи „Rivista Minima“ за июль и августъ 1881 г. напечатана статья г. М. Драгоманова — *La letteratura di una nazione plebea*, излагающая обзоръ исторіи украинской литературы до 1880 г. включительно.

Того же автора брошюра — „*La littérature oukraiïnnienne proscrite par le gouvernement russe*“ (1878), — переведена на сербскій языкъ въ омадинскомъ обозрѣніи „Побратимство“ за сентябрь и октябрь 1881. Переводу предпослано краткое предисловіе, которое начинается словами извѣстнаго сербскаго ученаго и политическаго дѣятеля, Ст. Новосавича: „Мы, сербы, по природѣ, друзья украинцевъ. Когда мы читаемъ и переводимъ повѣсть изъ украинскаго быта, намъ кажется, что это повѣсть изъ нашего родного народнаго быта.... и потому мы можемъ признать своимъ все, что зовется украинскимъ“ \*). Сербскій переводчикъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей на судьбу украинской литературы въ Россіи, чтобы видѣть, какъ давитъ русское правительство родное племя и сколько есть нескромности въ славянофильствѣ, которое проповѣдуетъ имп. г. Ламанскій въ окресткѣ консервативныхъ и самодержавныхъ идей.

\*) Такой же отзывъ мы лично слышали отъ боснійскаго поеводы Угелла. Ред.

\*) „Wahrheit“, 18 ноября (издается въ Вѣнѣ два раза въ мѣсяцъ).

\*\*) Если послѣдній фактъ дѣйствительно актъ ирландскаго раздраженія, то отвѣтственность за него все таки падаетъ на правительство.